Роковой обет

Автор:
Эллис Питерс

Роковой обет

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #10Шедевры исторического детектива (Рипол)

Действие романа «Роковой обет» (1984) происходит в Англии XII?века, где бушует пожар гражданской войны. Предательски убит благородный рыцарь, а его наследник исчез, возбудив подозрения. В числе гостей, приехавших в обитель святых Петра и Павла, находятся неразлучные друзья Мэтью и Сиаран. Однако проницательный глаз брата Кадфаэля замечает в их отношениях что-то необычное. Что же за роковой обет заставил этих двоих пуститься в дорогу?

Эллис Питерс

Роковой обет

Ellis Peters

The Pilgrim of Hate

© Storyside. 2021

© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Видите того пожилого монаха

в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль

возится в своем садике:

собирает лекарственные травы,

ухаживает за кустами роз.

Вряд ли кому придет в голову,

что перед ним – бывший участник

крестовых походов, повидавший полмира

бравый вояка и покоритель женских сердец.

Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую

выступать не только в роли врачевателя

человеческих душ и тел, но и в роли

весьма удачливого, снискавшего славу детектива,

ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной

тихую бенедиктинскую обитель.

Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля»

происходит в Англии XII века,

где бушует пожар междоусобной войны.

Императрица Матильда и король Стефан

не могут поделить трон, а в подобной неразберихе

преступление – не такая уж редкая вещь.

Так что не станем обманываться

мирной тишиной этого утра.

В любую секунду все может измениться…

Глава первая

Двадцать пятого мая около полудня в сарайчике брата Кадфаэля шел разговор о важных государственных делах, венценосных особах и превратностях судьбы, подстерегающих непримиримых соперников, столкнувшихся в борьбе за трон.

– Как бы то ни было, эта леди пока еще не коронована! – заявил Хью Берингар с таким решительным видом, будто знал способ помешать коронации.

– Она и в Лондон-то еще не вступила, – поддакнул ему Кадфаэль, осторожно помешивая булькавший в горшочке над жаровней настой, чтобы тот, не ровен час, не перекипел через край да не залил уголья. – Для коронования ей надобно попасть в Вестминстер, а лондонцы, похоже, не больно-то спешат впускать ее в город.

– Всяк норовит погреться на солнышке, – уныло заметил Хью, – но боюсь, старина, что мое дело – оставаться в тени. Стоит Генри Блуа изменить свою позицию, и все подряд следуют за ним, словно он и впрямь светило.

– Ну уж не все, – с улыбкой возразил Кадфаэль, помешивая отвар. – Ты ведь не таков, да и другие, поди, найдутся. Или думаешь, что ты единственный?

– Боже упаси, – промолвил Хью и неожиданно рассмеялся. Уныния как не бывало.

Он отошел от двери сарайчика, за которой виднелся залитый мягким солнечным светом садик с кустами, грядками и клумбами, источавшими терпкие, пьянящие ароматы, и снова уселся на стоявшую у бревенчатой стены лавку, вытянув обутые в сапоги ноги. Худощавый, невысокого роста, Хью на первый взгляд казался хрупким: это обманчивое впечатление дорого обошлось многим его противникам. Легкий ветерок раскачивал кусты, и падавшие в открытую дверь солнечные лучи, отражаясь от одной из больших стеклянных бутылей Кадфаэля, высвечивали коротко стриженные черные волосы и загорелое, гладко выбритое лицо с подвижным ртом и густыми черными бровями, то и дело скептически поднимавшимися. Лицо подвижное, но в то же время непроницаемое. Непроницаемое почти для всех, однако не для брата Кадфаэля: тот умел читать по нему, пожалуй, даже лучше, чем Элин, жена Берингара. Кадфаэлю шел шестьдесят второй год, а Хью не исполнилось и тридцати, но они были друзьями и, встречаясь в маленьком садике среди благоуханных трав, беседовали непринужденно, точно ровесники.

– Да, – задумчиво промолвил Хью, скрупулезно взвесив обстоятельства и, по всей видимости, решив, что не все так уж безнадежно. – Не все мечутся из стороны в сторону. Некоторые верны своему долгу, и, в конце концов, в наших руках остались обширные земли, к тому же они так удачно расположены, что мы, наверное, сумеем сберечь их для короля. Королева со своей армией удерживает Кент, и, пока она угрожает Лондону с юга, Роберт Глостерский не посмеет напасть на нас, подставив ей спину. А поскольку от угрозы со стороны графа Честерского наш тыл оберегает Гуинедд, мы можем сохранять наше графство для короля Стефана и выжидать. Вдруг ему снова улыбнется удача. Императрица пока еще не королева Англии.

«Так-то оно так, – подумал Кадфаэль, продолжая помешивать отвар, предназначенный для лечения хворых телят брата Альвина, – но не исключено,

что очень скоро она ею станет».

Уже три года страна расколота на два враждующих стана. Соперничая из-за короны, Стефан и Матильда ведут междоусобную войну, и Англия устала от грабежей, убийств и произвола. Торговцы и ремесленники в городах, свободные арендаторы и подневольные вилланы в деревнях были бы рады любому монарху, лишь бы тот установил наконец мир и порядок, чтобы можно было жить спокойно и мирным трудом добывать себе пропитание. Однако если для большинства англичан не было особой разницы, кто займет трон, то для Хью Берингара дело обстояло иначе. Он присягнул королю Стефану, назначившему его шерифом графства Шропшир, и теперь старался сберечь это графство для своего государя. Государь же томился в плену в Бристольском замке, куда угодил после проигранного сражения при Линкольне. Один-единственный февральский день нынешнего года резко изменил положение претендентов на корону. Весы фортуны качнулись, вознеся Матильду, тогда как Стефан – коронованный и помазанный государь – оказался в темнице и содержался за семью замками под крепким караулом. В сложившихся обстоятельствах Генри Блуа, епископ Винчестерский, брат короля, папский легат и самый влиятельный вельможа в стране, до сих пор поддерживавший Стефана, оказался перед непростым выбором. Ему предстояло решить, что лучше – благородно заявить о своей верности побежденному брату, рискуя тем самым навлечь на себя гнев победительницы, либо же, держа нос по ветру, приспособиться к изменившимся обстоятельствам и перейти на сторону императрицы. Не сразу, разумеется, и под благовидным предлогом, отыскав сначала оправдание своему отступничеству.

«Однако же, – подумал Кадфаэль, всегда стремившийся судить по справедливости, – возможно, дело не в корысти, возможно, Генри искренне печется о благе страны и, коли так, вправе поддержать того из претендентов, кто способен навести порядок».

– Что меня беспокоит, – с тревогой в голосе промолвил Хью, – так это отсутствие достоверных вестей. Слухов полным-полно, и один другому противоречит – разве можно на них положиться? Знаешь, я буду очень рад, когда аббат Радульфус вернется наконец в Шрусбери.

– Не только ты, но и все братья нашей обители, – горячо поддержал друга Кадфаэль, – кроме разве что брата Жерома. Тот доволен, когда во главе аббатства остается приор Роберт, рад-радехонек тому, что отца аббата вызвали

в Вестминстер, и ходит нынче задравши нос. Но большинству братьев приорское правление нравится куда меньше, чем Жерому, – уж ты мне поверь.

– Как давно аббат в отлучке? – вслух размышлял Хью. – Пожалуй, недель семь будет, а то и восемь. Легат созвал к себе чуть ли не всех прелатов Англии – оно и понятно: такой внушительный двор позволяет ему чувствовать себя увереннее в переговорах с императрицей. Генри не из тех, кто склоняет голову даже перед венценосцами, но чтобы говорить с Матильдой на равных, он должен иметь за спиной достойную высокого сана свиту.

– Однако кое-кому из церковных иерархов он позволил вернуться к своей пастве, а это, скорее всего, говорит о том, что он сумел договориться с Матильдой. А может статься, ошибочно полагает, что сумел. Так или иначе, отец аббат прислал нам весточку из Ридинга. Через неделю он должен быть здесь. От него-то ты и услышишь самые правдивые вести.

Епископ Генри приложил все силы к тому, чтобы сохранить в своих руках власть над ходом событий. В начале апреля он вызвал к себе всех епископов и увенчанных митрой аббатов и объявил это собрание церковных сановников легатским советом, что дало ему право верховенства в обход архиепископа Кентерберийского Теобальда, которому принадлежало формальное первенство во всех вопросах, касающихся внутренних дел английской церкви. Впрочем, как полагал Кадфаэль, Теобальд и не возражал против того, чтобы его оттеснили на второй план. В сложившихся обстоятельствах человек тихий и робкий мог только порадоваться возможности оставаться в тени, предоставив легату опасную честь пребывать на самом солнцепеке.

– Само собой, – отозвался Хью, – услышу от него, как обстоят дела на юге, тогда и смогу прикинуть, что следует предпринять здесь. Мы-то находимся далеко от центра событий, а королева – храни ее Господь – собрала отменное войско. К ней присоединились фламандцы, уцелевшие под Линкольном. И она горы свернет, чтобы вызволить Стефана. Ведь она, – убежденно промолвил Хью, – лучший стратег, нежели ее муж. Понятное дело, не на поле боя – я видел его под Линкольном и готов побожиться, что второго такого рыцаря во всей Европе не сыщешь. Зато, не в пример ему, она, поставив перед собой цель, не успокоится, пока не добьется своего; он же запросто может погнаться за двумя зайцами. Ходят слухи, и я склонен им верить, что разъезды королевы все ближе подтягиваются к Лондону. Может статься, что, заявившись в Вестминстер, императрица угодит в западню.

– А правду ли говорят, что лондонцы согласились впустить Матильду в город? Поговаривают, что их депутация, хоть и робко, с оговорками, высказывалась все же в пользу Стефана, – они не сразу согласились с тем, что им навязывали. Сдается мне, – вздохнул Кадфаэль, – не всякий решится возражать самому Генри Винчестерскому. Чтобы не оробеть перед таким лордом, требуется немалое мужество.

– Они согласились впустить ее, а это равнозначно признанию ее королевой. Правда, я слыхал, они до сих пор тянут время, оговаривая условия, а любые проволочки на руку мне и Стефану. Эх, – мечтательно произнес Хью, – вот бы мне послать верного человека в Бристоль. – Луч света упал на его лицо – решительное, сосредоточенное. – Можно ведь отыскать лазейку в любой замок, в любое подземелье. Двое-трое надежных людей многого могут добиться. Пригоршня золота тюремщику – глядишь, и дело сделано… Вызволяли же королей из плена в прежние времена, даже когда те были закованы в цепи, а Стефан, слава Богу, не содержится в оковах. На такое Матильда пока не решилась. Впрочем, Кадфаэль, все это пустые мечтания. Мое место здесь, и дай мне Бог удержать Шропшир, а до Бристоля, увы, мне не добраться.

– Если твой король вырвется на свободу, – промолвил Кадфаэль, – ему очень даже пригодится сбереженное тобой графство.

Монах снял горшочек с жаровни и поставил его остывать на специально для того предназначенную каменную плиту, лежавшую на полу. Распрямил спину он не без усилия, ибо возраст порой давал о себе знать. Правда, для своих лет Кадфаэль был бодр и проворен.

– Ну вот, с этим делом я вроде управился, – заявил монах, потирая руки. – Давай-ка выйдем полюбуемся цветами, что я вырастил к празднику святой Уинифред. Отец аббат вернется в обитель как раз к этому событию и сам будет руководить церемонией перенесения мощей из часовни Святого Жиля. Хлопот нам предстоит немало, ведь к празднику в аббатство понаедет уйма паломников.

Четыре года назад на алтаре часовни приюта Святого Жиля, расположенной на самой окраине Шрусберийского предместья, была установлена рака с останками святой Уинифред, привезенными из валлийского прихода Гвитерин, места ее захоронения. В богадельне призревали всех недужных и увечных, в том числе и

прокаженных, которым доступ в город был заказан. Оттуда, из часовни, раку с мощами торжественной процессией перенесли в церковь аббатства, где и поместили на алтарь. Чудотворные мощи стали главной святыней аббатства: страждущие во множестве стекались в Шрусбери, дабы обратиться к валлийской святой с мольбой о помощи и исцелении. В нынешнем году шрусберийские братья решили повторить завершающий этап достославного путешествия святой и, как и четыре года назад, торжественно перенести раку с ее мощами из часовни в церковь, а затем допустить к алтарю всех, кто явится в аббатство с молитвами и дарами. Слава святой Уинифред каждый год привлекала немало паломников, ну а уж нынче их следовало ждать в несметном количестве.

– Можно подумать, – промолвил Хью, оглядывая цветочные клумбы, на которых весенняя свежесть красок уже готова была смениться ярким великолепием лета, – что вы собираетесь ее венчать.

Садик Кадфаэля окружала живая изгородь из кустов боярышника, усыпанных белоснежными цветами, и орешника, на которых покачивались серебристые сережки. Из травы выглядывали анемоны, поднимали плотные, тугие головки ирисы. Даже розы, судя по набухшим бутонам, вот-вот должны были распуститься, а круглые коробочки пионов, полные пахучих семян, которые брат Кадфаэль использовал при приготовлении целебных снадобий, а повар аббата брат Петр – в качестве пряной приправы, чуть не лопались.

– Пожалуй, ты не так уж далек от истины, – сказал Кадфаэль, с довольным видом созерцавший плоды своих трудов. – Но венчание это знаменует союз возвышенный и целомудренный, ибо блаженная дева хранила невинность до самой своей смерти.

– А что, после смерти ты ей суженого сыскал да и свадебку сыграл? – мимоходом пошутил Хью, желая отвлечься от тягостных размышлений о государственных делах.

Здесь, в благоухающем саду, хотелось думать лишь о покое, дружбе, любви, жизни и плодородии. Хью не ожидал, что слова его останутся без ответа, однако монах молчал, и молодой человек почуял, что за этим молчанием что-то кроется. Он навострил уши, украдкой повернул голову и устремил на друга пристальный взгляд. И в этот момент монах то ли по рассеянности, то ли с умыслом обронил:

– Свадьбу не свадьбу, а суженого, можно сказать, что и сыскал. Доброго человека и преданного ее защитника. Он заслужил награду, выпавшую на его долю.

Хью с любопытством поднял брови и через плечо кинул взгляд на монастырскую церковь, где, как известно, в запечатанной раке на алтаре покоилась пресловутая святая. Рака эта, богато изукрашенная, с виду была не слишком велика, хотя вполне могла служить достаточно просторным вместилищем для хрупкого скелета валлийской святой – народ в Уэльсе не особо рослый.

– Похоже, для двоих места там маловато, – лукаво заметил Хью.

– Так ведь что она, что он – вовсе не великаны, да к тому же и лежат не здесь. А уж там, куда мы их положили, места предостаточно, – промолвил монах. От него не укрылось, что Хью озадачен и не успокоится, пока не разгадает эту загадку.

– По-твоему, выходит, – в недоумении спросил Берингар, – что в этом разукрашенном гробу, выставленном на всеобщее обозрение, никакой святой нет и в помине?

– Не знаю, что и сказать, приятель. Хотелось бы мне, чтобы она одновременно пребывала в двух местах. Простому смертному такое, конечно, не под силу, ну а для святой – кто знает? Три дня и три ночи она действительно провела там – уж это-то я доподлинно знаю. Не исключено, что она оставила внутри толику своей святости – хотя бы в благодарность за то, что мы вернули ее в родные края, туда, где, как я искренне верю и всегда буду верить, она желала остаться. Но при всем при том, – добавил Кадфаэль, покачав головой, – меня все же гложет сомнение. А что, если я неверно истолковал ее волю?

– Тогда тебе остается надеяться лишь на исповедь и покаяние, – беспечно промолвил Хью.

– Дождусь, когда брат Марк станет священником!

Молодой брат Марк, служивший в последнее время в богадельне Святого Жиля, покинул родную обитель и уехал в духовную школу епископа Личфилда. Денег, пожертвованных Леориком Аспли, должно было хватить молодому монаху на то, чтобы оплатить учение и хотя бы в отдаленном будущем добиться исполнения

заветной мечты – удостоиться священнического сана, к каковому Марк, несомненно, был предназначен самим Всевышним.

– Ему-то я и собираюсь поведать кое-какие свои грехи, – признался Кадфаэль, – хотя, может, я ошибаюсь и греха в тех делах никакого нет. Марк целых три года был моей правой рукой, я вложил в него частицу своей души, и он знает меня лучше, чем кто-либо другой. Ну если не считать тебя, – промолвил монах с лукавой невинностью во взоре. – Марку я открою всю правду – пусть судит. От него я готов принять любую епитимью. Ты, Хью, и сам умеешь судить по справедливости, но грехи отпускать не властен.

– Да и епитимью налагать тоже, – весело рассмеялся Хью, – может, так оно и лучше. Откройся-ка мне, старина: и душу облегчишь, и обойдешься без церковного покаяния.

Предложение молодого друга, как ни странно, показалось монаху вполне приемлемым и даже заманчивым.

– Ладно, – согласился он, – так и быть, но имей в виду – это история длинная, так что наберись терпения.

– Ну и рассказывай ее не спеша – мне ведь торопиться некуда. Все дела на сегодня я уже переделал, а терпения мне не занимать. Я не прочь послушать историю, которая наверняка окажется занятной. Да и у тебя еще полно времени до вечерни. К тому же, – Хью напустил на себя шутливую важность – впору священнику, – ты сделаешь благое дело, доверившись представителю мирской власти. А уж тайну твою я сумею сохранить не хуже любого исповедника.

– Будь по-твоему, – отвечал Кадфаэль, – только погоди чуток. У меня тут как раз винцо дозревает. Я его принесу, присядем на лавочке у стены, где солнышко посильнее, – тут я тебе все и расскажу. Здесь нам никто не помешает.

– Случилось все это примерно за год до того, как мы с тобой познакомились, – начал Кадфаэль, удобно привалясь спиной к нагретой солнцем шероховатой каменной стене. – В ту пору в нашей обители не было святых мощей, и мы, понятное дело, малость завидовали Уэнлоку, потому как тамошние клюнийские братья разыскали останки основательницы своего монастыря – саксонской

святой по имени Мильбурга – и раззвонили об этом на весь свет. Правда, потом и нам были явлены кое-какие знамения. Следуя им, мы отправили одного недужного брата в Уэльс, дабы он исцелился, омывшись водой из Святого Колодца. Колодец этот сооружен на месте источника, забившего там, где эта дева, наша святая, в первый раз рассталась с жизнью. Саму-то ее тут же воскресил святой Беуно, но источник остался, и возле него до сих пор творятся чудеса. Так вот, приор Роберт вбил себе в голову, что святая не прочь покинуть Гвитерин (селение, где она умерла во второй раз и была похоронена) и перебраться к нам – к вящей славе нашей обители. Он отправился в Гвитерин убеждать тамошних жителей расстаться с останками их святой, а среди сопровождавших его братьев был и я, поскольку знаю валлийский язык и мог пригодиться при переговорах.

– Все это я очень хорошо знаю, – сказал внимательно слушавший монаха Берингар, – да и как не знать – это ведь всякому известно.

– Верно! Но вот что было потом – об этом ты наверняка не слыхивал. В Гвитерине жил один знатный валлиец, который ни за что не соглашался позволить нам потревожить прах этой девы. Его не удавалось ни улестить, ни запугать, ни подкупить, и тогда, представляешь, Хью, – он был убит. И кем? Одним из нас, молодым монахом, что происходил из знатного рода и в мечтах своих примерял митру.

Мы раскрыли преступление: недостойный брат должен был ответить перед законом, но вышло так, что он поплатился жизнью за свое злодеяние. Дело в том, что уличить его сумела девушка, дочь убитого, а когда нечестивец понял, что разоблачен, он попытался убить и ее и пролил ее кровь. Возлюбленный девушки в гневе бросился на негодяя, да, видно, не рассчитал своих сил и, вместо того чтобы задержать убийцу, свернул ему шею.

– И много народу об этом знает? – поинтересовался Хью, его задумчивый взгляд остановился на освещенных солнцем розовых кустах.

– Когда все это случилось, поблизости не было никого, кроме влюбленной пары, мертвого злодея и меня самого. Ну и конечно, святой Уинифред. Незадолго до того мы извлекли ее из могилы и поместили в ту самую раку, которую ты, как и все в округе, прекрасно знаешь. Она была там, и уж ей-то все известно. Хью, дружище, именно я раскопал ее останки, собственными руками очистил их от земли и поднял на поверхность, но Богом тебе клянусь: с первой же минуты я

почувствовал – она желает, чтобы ее оставили в покое. Она лежала на крохотном, запущенном кладбище, тихом и неприметном. Там уже давно не хоронили, и скромные могильные холмики поросли травой и луговыми цветами. Валлийская земля! А ведь блаженная дева, как и я, была валлийкой. Она принадлежала к старинной кельтской церкви – так что же могло привлечь ее в далеком английском графстве? И кроме того, я должен был позаботиться о той парочке. Сам посуди: кто поверил бы им или мне, когда бы против нас выступила сама церковь. А клирики, сам знаешь, сплотились бы для того, чтобы замять дело, и бедному юноше, повинному лишь в том, что выступил в защиту своей милой, пришлось бы туго. Вот я и принял свои меры предосторожности.

Хью ухмыльнулся:

– Ну, старина, признаться, на сей раз ты меня и впрямь удивил! Какие же, интересно, меры ты принял? Ведь надо было как-то объяснить смерть монаха да еще и умаслить приора Роберта…

– Ну, что до приора Роберта, то он, скажу тебе, вовсе не такой умник, каким себя мнит, ну а погибший монах сам мне помог. Он то и дело пересказывал нам послания святой: верно, полагал, что эдак и сам сподобится ореола святости. Как-то раз он поведал нам, будто святая желает, чтобы убитого валлийца погребли в оставленной ею могиле. А в другой раз он в экстазе молился святой Уинифред о дозволении навеки распроститься с бренной плотью и живым вознестись в обитель вечного блаженства. Вот мы и оказали ему это маленькую услугу. Он отправился в часовню на старом кладбище на ночное бдение, а поутру, когда оно завершилось, брат этот непостижимым образом исчез. У его молитвенной скамеечки лежали лишь ряса да сандалии, в часовне царил аромат благоухающих цветов боярышника. Все выглядело так, будто небеса откликнулись на его мольбу. Во всяком случае, приор Роберт в это поверил. Искать пропавшего брата не стали, да и зачем? Не будет же благочестивый бенедиктинский монах носиться ночью по валлийским лесам в чем мать родила.

– Если я правильно тебя понял, – осторожно проговорил Хью, – там покоится вовсе не… Ну и ну, выходит, рака не была запечатана? – Черные брови Берингара поползли вверх, хотя в голосе особого изумления не слышалось.

– Ну… – Кадфаэль смущенно потер свой загорелый мясистый нос. – По правде сказать, запечатана она была, но ведь существуют способы незаметно удалить печати, а потом приладить их на место как ни в чем не бывало. Я некогда

знавал, как это делается, да признаться, и по сей день не забыл. Может, это умение и не из тех, какими стоит гордиться, но тогда оно мне здорово пригодилось.

– И ты снова положил святую в ее собственную могилу – туда, где уже лежал тот валлиец, ее заступник?

– Он был достойным человеком и выступал в защиту святой до последнего часа. Она не пожалела бы ему места в своей могиле. И мне всегда казалось, – доверительно промолвил Кадфаэль, – что она была довольна тем, как мы поступили. С тех пор она не раз являла свое могущество, совершив в Гвитерине множество великих чудес, – а разве стала бы она их творить, будучи обиженной? Однако меня слегка беспокоит то, что она не ниспослала нам какого-нибудь знамения, свидетельствующего о ее расположении и покровительстве. Это донельзя обрадовало бы приора Роберта и успокоило мою душу. Правда, чудеса у нас, конечно, бывали, но не гвитеринским чета – все какие-то мелкие да сомнительные. Их нельзя однозначно расценить как знак ее милости. А что, ежели я все-таки разгневал ее? Ну ладно я – я-то знаю, кто покоится на алтаре, и коли поступил неправильно – да простит меня Бог. Но как быть с теми, кто в неведении приходят к этому алтарю с мольбой и надеждой? Неужто их чаяния тщетны – и все из-за меня?

– Сдается мне, – сочувственно промолвил Хью, – что брату Марку стоило бы поторопиться с принятием сана, чтобы освободить тебя от бремени. Если только, – добавил он с лукавой улыбкой, – сама святая Уинифред не сжалится и не пошлет тебе знамение.

– Сколько я об этом ни думаю, – размышлял вслух Кадфаэль, – вижу, что лучшего выхода тогда не было. А такой исход устроил всех и там, в Гвитерине, и здесь, в аббатстве. Молодые получили возможность сыграть свадьбу и зажить счастливо, селение не лишилось своей святой, а она – своих паломников. Роберт получил что хотел или считает, что получил, а это в конечном счете одно и то же. А Шрусберийское аббатство обрело громкую славу и теперь устраивает праздник, рассчитывая на толпы паломников и немалые барыши. Все довольны, и никто не в обиде. Если б только она, хотя бы намеком, дала мне понять, что я не ошибся.

– И ты никогда никому об этом не проговорился?

– Ни словечком не обмолвился. Правда, гвитеринцы и так все знают, – ответил Кадфаэль и усмехнулся, вспомнив о том, как прощался с сельчанами. – Им никто не рассказывал, да и нужды в этом не было – они сами сообразили. Когда мы увозили раку, они, все как один, явились на проводы, сами вызвались поднести и даже помогли нам снарядить маленький возок, чтобы везти раку с мощами. Приор Роберт возомнил, что это его заслуга, что именно он уломал гвитеринцев, даже самых несговорчивых, и радовался от всей души. Вот уж воистину святая простота. Узнать правду было бы для него ударом – особенно сейчас, когда он пишет книгу о житии святой Уинифред и о том, как сопровождал ее мощи на пути в Шрусбери.

– У меня ни за что не хватило бы духу так огорчить беднягу, – сказал Хью. – Будем и дальше держать рот на замке – так оно лучше для всех. Слава Богу, я не имею отношения к церковному праву; мое дело – следить за соблюдением мирских законов, что далеко не просто в стране, где закон попирается чуть ли не на каждом шагу.

Не приходилось сомневаться в том, что Кадфаэль может рассчитывать на сохранение своего секрета. Впрочем, это подразумевалось само собой.

– Вы оба – и ты, Кадфаэль, и святая – говорите на одном языке и, надо полагать, прекрасно понимаете друг друга даже без слов. Когда, ты сказал, начнется ваш праздник – двадцать второго июня? Вот и посмотрим: вдруг она сжалится над тобой и ниспошлет чудо.

А почему бы и нет, размышлял Кадфаэль час спустя, направляясь к вечерне по зову колокола. Сам-то он навряд ли заслуживает такой чести, но среди множества паломников наверняка найдется и достойный особой милости – тот, чью молитву по справедливости невозможно отвергнуть. И если святая совершит чудо ради этого страждущего, он, Кадфаэль, смиренно примет это как знак ее одобрения. Пусть ее останки покоятся в восьмидесяти милях отсюда – что с того? Она ведь и в земной жизни претерпела мученическую смерть и была чудесным образом воскрешена. Что может значить расстояние для столь могущественной святой? Она, будь на то ее воля, вполне могла бы, оставаясь в одной могиле с Ризиартом на старом кладбище, где в зарослях боярышника мирно щебечут пташки, незримо, бестелесным духом присутствовать и здесь, в раке, скрывающей кости недостойного Колумбануса, пролившего кровь ближнего в угоду собственному суетному тщеславию.

Так или иначе, а к вечерне Кадфаэль явился в добром расположении духа: ему заметно полегчало от того, что он поделился своей тайной с другом. Некогда Кадфаэль и Хью Берингар встретились как противники, и каждый испробовал немало изощренных уловок, стараясь перехитрить другого. Соперничество позволило им оценить друг друга и понять, что у них – немолодого монаха, а наедине с собой Кадфаэль признавал, что лучшая пора его жизни уже миновала, и находившегося в самом начале пути честолюбивого дворянина – довольно много общего. Господь наделил Хью незаурядным умом и проницательностью, и, несмотря на молодость, он успел многого добиться в жизни. Хотя король Стефан был лишен власти и пребывал в заточении, никто не оспаривал у Берингара права занимать пост шерифа графства Шропшир, а отдохнуть от бремени общественных забот сей государственный муж мог на островке семейного счастья, в собственном городском доме на холме возле церкви Святой Марии, где его всегда ждала любящая жена и годовалый сынишка.

Кадфаэль улыбнулся, вспомнив своего крестника – крепенького, непоседливого чертенка, уже вовсю бегавшего по комнатам и умевшего самостоятельно залезать на колени крестному отцу, которого с радостным лепетом без устали тормошил. Каждый мужчина просит у Всевышнего сына. Хью Берингара Господь наградил сулившим радостные надежды наследником, Кадфаэлю же послал крестного сынишку – шалуна и любимца.

В конце концов, размышлял монах, мир устроен так, что, несмотря на жестокость, алчность и постоянные раздоры, в нем все же находится место для простого человеческого счастья. Так повелось испокон веку, и так будет всегда, покуда в сердцах людских не угаснет неукротимая искра любви.

Закончился ужин, и после короткой благодарственной молитвы братья, отодвигая лавки, стали подниматься со своих мест в трапезной. Первым встал из-за стола приор Роберт Пеннант. Худощавый, более шести футов ростом, с суровым аскетическим лицом цвета слоновой кости и тонзурой, окруженной серебряными сединами, он выглядел величественно, как и подобает прелату.

– Братья, – промолвил приор, – я получил еще одно послание от отца аббата. Он уже доехал до Уорика и надеется к четвертому июня быть в обители. Отец аббат наказывает нам со всем усердием готовиться к празднованию перенесения мощей святой Уинифред, всемилостивейшей нашей покровительницы.

Вполне вероятно, что приор, как ему и полагалось по должности, получил от аббата такого рода указания, однако приор Роберт всячески выпячивал свою роль, выставляя себя чуть ли не благодетелем святой покровительницы аббатства. Он обвел взглядом столы, останавливаясь на тех братьях, которые более других были заняты подготовкой к празднеству.

– Брат Ансельм, ты отвечаешь за музыку. У тебя все готово?

Брат Ансельм, регент монастырского хора, все помыслы которого были посвящены мелодиям, песнопениям и музыкальным инструментам, рассеянно поднял голову и уставил на приора широко раскрытые глаза:

– Весь ритуал продуман и разработан, – ответил он, слегка удивляясь тому, что его спрашивают о само собой разумеющемся.

– А ты, брат Дэнис, подготовил все необходимое для приема гостей? Сумеем ли мы разместить и накормить такое множество паломников? Думаю, нам потребуется каждый свободный уголок и каждая миска.

Брат Дэнис, попечитель странноприимного дома, привыкший принимать и обустраивать гостей и уверенно управлявший своим хлопотным хозяйством, подтвердил, что все необходимые приготовления сделаны, припасов заготовлено в достатке и паломники – сколько бы их ни прибыло – будут приняты как должно.

– Наверняка следует ожидать больных и увечных, которым потребуются уход и лечение, – продолжил приор, – ведь за тем они к нам и приходят.

Брат Эдмунд, ведавший лазаретом, не дожидаясь, когда приор Роберт обратится к нему, со знанием дела заявил, что у него все учтено – постелей и снадобий хватит на всех немощных, и добавил, что брат Кадфаэль заготовил в избытке настоев и мазей, какие могут потребоваться.

– Это хорошо, – одобрил приор Роберт и продолжил: – Так вот, у отца аббата есть к нам еще одно, особое указание. Он повелел впредь до его возвращения на каждой мессе возносить молитву за упокой души одного доброго человека, пытавшегося, как и подобает истинному христианину, примирить враждующих и павшего в Винчестере жертвой предательского убийства.

Поначалу брату Кадфаэлю, как, наверное, и большинству монахов, показалось, что гибель одного, пусть даже и достойного человека, далеко на юге едва ли заслуживает столь исключительного внимания в стране, где насильственная смерть стала обыденным явлением. Что могла значить кончина одного после усеянного трупами поля Линкольна или резни в Вустере, залитом кровью. Все, начиная от могущественных графов и баронов и кончая разбойниками с большой дороги, ни в грош не ставили ни закон, ни человеческую жизнь. Но потом Кадфаэль постарался взглянуть на это событие глазами аббата. Хорошего человека убили в том самом городе, где прелаты и бароны вели переговоры об установлении мира, убили при попытке предотвратить кровопролитие. Чуть ли не у ног папского легата. Воистину это черное злодеяние – кощунство, почти такое же, как если бы несчастного растерзали перед алтарем. Несомненно, Радульфус усмотрел в этом случае горестный символ попрания закона и отказ от надежды на достижение мира, а потому и повелел поминать убиенного в молитвах, возносимых в его обители. Это должно было послужить знаком признания заслуг покойного и обеспечить ему воздаяние на небесах.

– Отец аббат наказывает нам, – возгласил приор, – в благодарность за явленное стремление к справедливости возносить молитвы за упокой души Рейнольда Боссара – рыцаря, служившего императрице Матильде.

– Ну и дела, велят молиться за врага, – с сомнением, покачав головой, промолвил молоденький послушник, когда братия принялась обсуждать наказ своего пастыря.

В Шропшире привыкли держать сторону короля Стефана, что и немудрено: уже четыре года графство находилось в его власти, управлялось в соответствии с его указами назначенным им шерифом и при этом счастливо избежало многих невзгод, обрушившихся на иные провинции Англии.

– Ты не прав, – мягко укорил паренька наставник послушников брат Павел. – Добрый и достойный человек не враг нам, пусть даже в этой распре он и принял противоположную сторону. Мы, монахи, не приносим вассальной присяги, но, когда беремся судить о мирянах, должны иметь ее в виду и почитать тех, кто верен ей так же, как и мы своим обетам. Никому нельзя поставить в вину то, что он хранит верность, неважно – королю или императрице. А покойный наверняка заслуживал уважения, иначе отец аббат не велел бы нам поминать его в

молитвах.

Брат Ансельм, сидевший на каменной скамье, тем временем отбивал на ней ритм и нараспев повторял имя убиенного: Рейнольд Боссар, Рейнольд Боссар, Рейнольд Боссар…

Наложившееся на ритм, многократно повторяемое имя засело в голове у Кадфаэля, хотя ему, как и всем остальным, ни о чем не говорило: ни о внешности, ни о привычках, ни о характере. Одно лишь имя, которое все равно что душа без тела или тело без души. Однако оно продолжало звучать в голове монаха и когда тот ушел в свою келью и, прочитав молитву на сон грядущий, снял сандалии и улегся в постель. Имя это, по-видимому, не оставило Кадфаэля и в дреме, во всяком случае, о наступлении грозы монах узнал по двойной вспышке молнии, полыхнувшей как бы в такт распеву. Молния разбудила Кадфаэля. Лежа с закрытыми глазами, он прислушивался в ожидании громового раската, которого не было так долго, что монах подумал, уж не пригрезилась ли ему и молния, но тут гром все же послышался – отдаленный, тихий, но как-то по-особенному зловещий… За опущенными веками вспыхивали и гасли молнии, а гром доносился с опозданием откуда-то издалека…

Откуда? Уж не из прославленного ли города Винчестера, где важные лорды вершили судьбу страны, города, которого Кадфаэль отроду не видал и, возможно, никогда не увидит. Что могла означать исходившая оттуда угроза – не обрушит же отдаленный гром стены Шрусбери? Но как бы то ни было, засыпая, Кадфаэль не мог отделаться от беспокойства, вызванного недобрым предчувствием.

Глава вторая

Третьего июня аббат Радульфус, сопровождаемый своим писцом и капелланом братом Виталием, въехал в ворота аббатства Святых Петра и Павла и был встречен всею своею паствой – пятьюдесятью тремя братьями, семью послушниками, шестью учениками монастырской школы, а также управителями и служками из мирян. Аббат – высокий, подтянутый мужчина с худощавым аскетическим лицом и проницательным взглядом человека, искушенного в ученых материях, – был настолько деятелен и неутомим, что, едва спешившись,

тут же направился к мессе, даже и не подумав о том, чтобы отдохнуть или освежиться после долгого путешествия верхом. Не преминул он напомнить братии о необходимости вознести, согласно его предписанию, молитву за упокой души Рейнольда Боссара, злодейски убиенного в Винчестере вечером в среду девятого апреля в лето Господне 1141. Итак, минуло почти два месяца с того дня, как в далеком Винчестере погиб этот рыцарь, но до сих пор оставалось неясным, какое отношение его кончина имеет к городу Шрусбери и, паче того, к здешней бенедиктинской обители.

Рассказ о достопамятном совете, где решалось будущее страны, аббат отложил на следующий день, приурочив его к утреннему собранию капитула, однако, когда в обитель явился Хью Берингар и попросил у Радульфуса аудиенции, ему не пришлось долго ждать. Состояние дел в государстве требовало тесного сотрудничества между духовной и светской властями, и именно благодаря такому сотрудничеству в графстве удавалось поддерживать относительный порядок.

Безыскусное, скромное убранство приемной аббата в его личных покоях соответствовало строгому, аскетическому облику самого Радульфуса. Сквозь два узеньких зарешеченных оконца на устланный каменными плитами пол падали лучи солнца, стоявшего в этот час в зените. Свежий ветерок раскачивал ветви деревьев в маленьком отгороженном садике; тени и блики света, причудливо переплетаясь, играли на темных деревянных резных панелях. Хью сидел в тени, глядя на высвеченный солнцем, резко очерченный профиль аббата.

– Вам, отец аббат, прекрасно известна моя приверженность, – промолвил Хью, любуясь благородными чертами невозмутимого лица духовного пастыря, – так же как и мне – ваша. По многим вопросам мы придерживаемся одного мнения. Я внимательно выслушаю все, что вы соблаговолите сообщить мне о событиях в Винчестере, ибо мне необходимо знать об этом.

– А мне – осмыслить, – с печальной улыбкой отозвался Радульфус. – Я отправился в Винчестер, повинуясь распоряжению того, кто имеет право созывать прелатов, и отправился туда, зная, как обстоят дела: король в плену, а большая часть южных графств оказалась в руках императрицы, которая получила таким образом возможность претендовать на верховную власть по праву сильного. Думаю, мы оба – и вы, и я – догадывались, о чем пойдет разговор, но я расскажу вам обо всем, чему мне довелось стать свидетелем, так, как я это понял. Мы съехались туда в понедельник, седьмого апреля, но делами в тот день не

занимались – весь он был потрачен на церемонию встречи приезжавших прелатов, а также на оглашение писем с извинениями от тех, кто предпочел отсидеться дома, а таких тоже набралось немало. Императрица тогда находилась в городе, хотя за время, пока проходил наш совет, совершила несколько поездок по окрестностям – была, например, в Ридинге. На самом совете императрица не присутствовала – на это у нее хватило такта.

Говорил аббат сухо, и по тону было нелегко понять его истинное отношение к поведению Матильды.

– Ну а на второй день… – Радульфус умолк, припоминая происходившее у него на глазах. Хью, не шелохнувшись, ждал, когда тот продолжит. – …на второй день, восьмого апреля, легат выступил перед собравшимися с большой речью.

Представить себе эту картину не составляло труда. Генри Блуа, епископ Винчестерский, папский легат в Англии, младший брат, а следовательно, и сторонник короля Стефана, непревзойденный мастер политической интриги и один из самых дальновидных и влиятельных вельмож королевства, несмотря на всю свою хитрость и многоопытность, оказался в таком положении, что даже в зале капитула собственного епископского собора не чувствовал себя уверенно и был вынужден оправдываться и защищаться.

Хью никогда не встречал епископа, не бывал в тех краях, где властвовал Генри, и знал о нем только понаслышке, но все же воочию представил себе властолюбивого прелата, с горделивым спокойствием открывшего собрание высокого духовенства. Многие присутствовали на собрании вопреки своему желанию. Перед епископом между тем стояла непростая задача: отмежеваться от потерпевшего поражение брата, ярым приспешником которого Генри до сих пор слыл, и без урона своей чести сохранить положение и влияние. И учитывать притом, что за каждым его шагом пристально следит императрица – женщина решительная и твердая. Генри понимал, что ее гнев или милость зависят во многом от того, сумеет ли он склонить строптивых епископов и аббатов к принятию выгодного для нее решения и укрепить ее воцарение авторитетом церкви.

– Говорил он долго и нудно, – откровенно признался аббат, – но убеждать он умеет и в конечном счете внушил-таки всем, что мы собрались для того, чтобы спасти Англию от разорения и окончательной погибели. Он расписывал времена покойного короля Генри, когда в стране царил мир и порядок, и напомнил нам,

как старый государь, лишившись сына, повелел своим баронам принести клятву верности единственному своему ребенку – дочери Матильде, ныне вдовствующей императрице, сочетавшейся вторым браком с графом Анжуйским. Так те бароны в большинстве своем и поступили, причем отнюдь не последним среди них был сам Генри Винчестерский.

Хью Берингар, верность которого пока не подвергалась подобному испытанию, понимающе кивнул и, полупренебрежительно, полусочувственно закусив губу, пробормотал:

– Выходит, его преосвященству пришлось подыскивать объяснения.

Аббат ни словом, ни взглядом не показал, что уловил содержавшуюся в высказывании шерифа колкость в адрес его собрата – служителя церкви, и продолжал рассказ:

– Он пояснил, что длительная задержка, связанная, по-видимому, с пребыванием императрицы в Нормандии, вызвала естественную озабоченность состоянием дел в стране. Безвластие опасно, и потому его брат, граф Стефан, предложил себя в государи, так он и сказал, и по всеобщему согласию был принят как король. Епископ Генри не отрицал своей роли в этом событии, ибо не кто иной, как он, заверял Бога и людей в том, что, став королем, Стефан будет чтить Святую Церковь и соблюдать справедливые законы и обычаи старой доброй Англии. Но, увы, заявил епископ, король Стефан не оправдал возлагавшихся на него надежд, к его, Генри, великой печали и скорби, ибо именно он был поручителем за брата пред ликом Всевышнего.

«Вот, стало быть, каким образом преподнес Генри прелатам свое унизительное отступничество, – подумал Хью Берингар. – Хитер, ничего не скажешь: свалил всю вину на Стефана, который, по его словам, не выполнил ни одного своего обещания и обманул тем самым не только своего брата, но и Отца Небесного, терпение Которого иссякло. В таких обстоятельствах Генри, как истинный служитель церкви, вынужден был приветствовать смену монарха».

– В частности, – пояснил Радульфус, – он припомнил королю то, что тот дерзнул преследовать епископов и некоторых из них даже довел до гибели.

Последнее утверждение в известной мере соответствовало действительности, хотя немилость Стефана стоила жизни всего лишь одному прелату – Роберту из Солсбери, да и тот, будучи немощным старцем и лишившись власти, умер от огорчения, безо всякого насилия.

– Следовательно, так он сказал, – с расстановкой произнес аббат, – если Господь явил свою волю, ниспослав королю поражение и плен, ему, Генри, принужденному выбирать между привязанностью к брату и преданностью Отцу Небесному, ничего не остается, как склониться пред волей Небес. Нас же он созвал к себе, дабы мы не допустили конечной погибели обезглавленного ныне государства. Не далее как вчера, заявил он, создавшееся положение было серьезнейшим образом обсуждено на совещании большей части епископов и аббатов Англии, которые, по его утверждению, обладают исключительной прерогативой избрания государя и освящения его власти.

Аббат говорил спокойно и размеренно, но Хью насторожился, ибо заявление Генри было беспримерным и, судя по тону Радульфуса, отнюдь не казалось тому бесспорным. Легату пришлось спасать свою честь, а поскольку язык у него был без костей, он сумел скрыть свое малодушие за сплетением словесных кружев.

– А разве было такое совещание? – спросил Хью. – Вы присутствовали на нем, отец аббат?

– Оно состоялось, – подтвердил Радульфус, – но провели его наскоро, и о серьезном обсуждении там не было и речи. Говорил, главным образом, сам легат, ну а другие сторонники императрицы ему подпевали.

Аббат промолвил это бесстрастно и невозмутимо, однако стало ясно, что себя он к приверженцам Матильды не причисляет.

– И я не помню, чтобы тогда он приписывал нашему собранию столь высокую прерогативу. Он сказал лишь, что мы, как прелаты, пришли к единодушному решению, хотя никакого подсчета голосов не велось. Да он и не предлагал голосовать, очевидно опасаясь, что многие с ним не согласятся. Решение же наше, по его словам, состояло в том, чтобы предложить верховную власть над Англией дочери покойного короля, достойной наследнице его благочестия и миролюбия. Пусть она осыплет благодеяниями нашу исстрадавшуюся страну, подобно тому как ей благоволил покойный монарх. Мы же от всего сердца – это

его слова! – предлагаем ей свою неколебимую верность.

Таким образом, легат весьма ловко выпутался из затруднительного положения, хотя вряд ли стоило рассчитывать на то, что столь решительная, жесткая и злопамятная особа, как императрица Матильда, безоглядно поверит в его «неколебимую верность», тем паче что предлагалась она уже не впервые. Ясно, что изменившему раз ничего не стоит изменить снова. Правда, императрице лучше было бы проявить дальновидность, обуздать свою подозрительность и, сделав вид, будто она верит в искренность легата, пойти навстречу его осторожным попыткам снискать ее расположение. Впрочем, Матильда была не из тех, кто склонен прощать и забывать.

– Неужто ему никто не возразил? – поинтересовался Хью.

– Никто. Возможностей было мало, а желающих, по правде говоря, и того меньше. Ну а после этого епископ объявил, что пригласил к себе депутацию из Лондона и уже сегодня ожидает ее прибытия, а посему предложил нам продолжить заседание на следующее утро. Однако лондонцы приехали лишь на следующий день, отчего и мы собрались несколько позже. Но тем не менее они явились, правда, физиономии у них были хмурые и смотрели они исподлобья. Члены депутации заявили, что они представляют всю лондонскую городскую общину, в которую после битвы при Линкольне вступили и многие бароны, и что, хотя они не собираются оспаривать законность решения нашего совета, все же намерены единодушно ходатайствовать об освобождении короля Стефана.

– Смело, – подняв бровь, заметил Хью. – А что сказал на это господин епископ? Неужели это его не смутило?

– По-моему, он пришел в замешательство, но сумел с ним справиться и тут же разразился длиннющей речью – а это лучший способ заставить умолкнуть других. Он принялся укорять лондонцев за то, что они приняли в городскую общину людей, которые сперва дурными советами довели короля до того, что он забыл Бога и Закон и, сбившись с пути истинного, был наказан поражением и пленом, а потом еще и бросили его на поле боя и теперь тщетно призывают к его вызволению. Он уверял депутацию, что ныне эти ложные друзья Стефана заигрывают с горожанами, преследуя свои корыстные цели.

– Если епископ имел в виду фламандцев, пустившихся наутек из-под Линкольна, – позволил себе вставить замечание Хью, – то во многом он прав. Но чего ради им заискивать перед горожанами? Впрочем, не в этом дело. Как повели себя лондонцы? Хватило им мужества отстоять перед Генри свое мнение?

– Они вроде бы растерялись и, не зная, что ответить, отошли в сторонку – посовещаться. И тут в наступившей тишине неожиданно выступил один писец. Он протянул епископу свиток и попросил прочесть его вслух. Держался писец так уверенно, что я до сих пор удивляюсь, как это легат не уступил его настоянию. Но лорд Генри сначала развернул пергамент и пробежал его глазами, а в следующий миг произнес гневную тираду. Он заявил, что ни единого слова из этого нечестивого документа, составленного злокозненными врагами церкви, не прозвучит в столь святом месте, как зал соборного капитула, ибо это было бы оскорблением собравшихся здесь достопочтенных прелатов. И тогда, – мрачно продолжил аббат, – этот никому не ведомый писец взял да и выхватил свиток из рук епископа и громко прочел его, не обращая внимания на попытки заставить его умолкнуть. Это оказалось послание королевы, супруги плененного короля, обращенное ко всем собравшимся прелатам, и в первую очередь к легату, брату ее супруга. Она призывала вспомнить о чести и верности коронованному государю, освободить короля из плена, куда он угодил по причине измены, и восстановить его на престоле. «А я, – сказал этот отважный человек, прочитав послание, – служу писцом у ее величества, и если вам угодно знать мое имя, то зовут меня Христиан, и смею заверить, что я такой же добрый христианин, как и любой из вас, и при этом предан госпоже моей королеве».

– И впрямь храбрый малый, – промолвил Хью, присвистнув от восхищения, – хоть я сомневаюсь, чтобы отвага помогла ему добиться своего.

– Легат отозвался речью, во многом напоминавшей ту, что он произнес днем раньше, но куда более страстной и яростной. Ему удалось так застращать лондонцев, что те присмирели, и хоть и неохотно, но все же согласились сообщить своим согражданам о решении нашего совета и попытаться убедить горожан поддержать его. Что же касается писца Христиана, так разгневавшего епископа Генри, то, когда он в тот же вечер ни с чем возвращался к королеве, на него набросились четверо или пятеро никому не известных негодяев. Однако на выручку писцу пришел один из рыцарей императрицы со своими сквайрами. Они стали оттаскивать нападавших, крича, что стыд и позор нападать на честного

человека, бесстрашно выполнявшего свой долг, и что убийство не способ доказательства правоты. В итоге писец отделался несколькими царапинами, зато рыцарю засадили нож в спину, да так, что сталь пронзила сердце. Несчастный умер прямо на улице, в сточной канаве, в укор всем нам, заявлявшим, что мы стремимся к восстановлению мира и прекращению вражды.

Судя по затаенному гневу, звучавшему в голосе Радульфуса, случившееся глубоко его задело. Это бессмысленное злодеяние как бы перечеркнуло все разглагольствования о добре и справедливости. Бесчестное нападение на человека, открыто высказавшего свои взгляды, а к тому же еще и гнусное убийство великодушного рыцаря, пытавшегося предотвратить кровопролитие, – все это казалось весьма дурным предзнаменованием, не сулившим успеха затее легата.

– И за это убийство никто не поплатился? – нахмурясь, спросил Хью.

– Нет. Нападавшие разбежались и скрылись в темноте. Если кто и знает имя убийцы или место, где он прячется, то предпочитает держать язык за зубами. Да и то сказать, смерть теперь самое обыденное дело, и даже такое подлое убийство будет скоро забыто, как забыто множество ему подобных. А на следующий день наш совет закончился. Многие сторонники короля Стефана подверглись отлучению, и легат благословил тех, кто выступал на стороне императрицы, и проклял всех ее противников. После этого он закрыл совет, но многих настоятелей монастырей, в том числе и меня, удерживал при себе еще несколько недель.

– А императрица?

– Она удалилась в Оксфорд и вступила в долгие и трудные переговоры с Лондоном: когда и на каких условиях ей откроют городские ворота, скольких воинов ей разрешат привести с собой в Вестминстер и все такое прочее. Горожане упрямятся и, как заведено у купцов, отчаянно торгуются по каждому пункту соглашения, но так или иначе дней через девять-десять она вступит в город и будет коронована. – Аббат развел руками. – Во всяком случае, мне кажется, что дело идет к этому. Вот, пожалуй, и все, что я мог о ней рассказать.

– Интересно бы знать, – промолвил Хью, – как императрица воспринимает все эти проволочки с признанием ее государыней. И как она ладит с баронами, которые

недавно перешли в ее стан, и каково настроение у ее прежних сподвижников. Непросто ведь сплотить старых и новых вассалов, которые норовят вцепиться друг другу в глотки: то затеют спор из-за наследства, то не поделят поля и угодья. Да что я вам говорю, святой отец, все это вы знаете не хуже меня.

– Я бы поостерегся назвать Матильду мудрой государыней, – осторожно высказался Радульфус, – она слишком хорошо помнит, как многие лорды и рыцари клялись в верности ей, потом переметнулись к Стефану, а теперь, видя, что сила на ее стороне, опять потянулись к ней. Немудрено, что порой у нее возникает искушение поддеть кого-нибудь из них, – по-человечески это понятно, хотя и неразумно. Удивляет меня другое: войдя в силу, она повела себя холодно и надменно даже с теми, кто, несмотря на все лишения и невзгоды, хранил ей неизменную верность. Так поступать с людьми, долго бывшими ее опорой, – черная неблагодарность и великая глупость.

«Пожалуй, это обнадеживает, – подумал Хью, не сводя глаз с худощавого спокойного лица аббата. – Видать, когда эта особа почувствовала вкус власти, у нее ум за разум зашел, иначе нипочем не стала бы задирать нос перед такими людьми, как Роберт Глостерский».

– Епископа-легата она смертельно обидела тем, – продолжал Радульфус, – что отказала сыну Стефана в получении титулов и прав его отца на Булонь и Мортэн, сославшись на то, что король в плену. А между тем это было бы только милосердно и справедливо. Но куда там – она и слышать об этом не пожелала. Дошло до того, что епископ Генри покинул ее двор, и ей стоило больших трудов заманить его обратно.

«Одна новость лучше другой, – рассудил Хью. – Если Матильда из пустого упрямства нанесла оскорбление епископу Генри, то, наверное, способна собственными руками загубить все, что далось ей ценой немалых усилий. Нрав у императрицы такой, что, получи она корону, того и гляди, запустит ею в того, кто попадется под горячую руку».

Хью прикинул, чего ждать от будущего, и решил, что для него все складывается не самым худшим образом. Императрица отнимала земли у одних лордов и жаловала их другим. Она надменно обходилась со своими новыми сторонниками, давая понять, что не забыла, как они служили ее врагу, и кое-кого уже оттолкнула, без конца поминая былые обиды. Право, претендентам на спорный престол порой не мешает проявить забывчивость. «Ну да Бог с ней, – решил

Берингар, – если так и дальше пойдет, беды ей не миновать и пенять будет не на кого».

После долгой беседы Хью наконец поднялся, собравшись уходить. Теперь он неплохо представлял себе, как развернутся дальнейшие события. Понятно, что даже императрица, при всем своем упрямстве, способна взяться за ум, и тогда не исключено, что ей удастся попасть в Вестминстер и короноваться. Не стоит недооценивать внучку Вильгельма Завоевателя и дочь Генриха I. Правда, с другой стороны, мстительность и неуступчивость, отличавшие всю эту породу, могли сослужить ей дурную службу.

Хью и сам не знал, почему, уже ступив на порог, он обернулся и спросил:

– Отец аббат, этот Рейнольд Боссар… Вы говорили, что он служил в войске императрицы. А чьим он был вассалом?

Всем, что удалось узнать, Хью вскоре поделился с братом Кадфаэлем. Свои мысли и соображения он оттачивал в беседе с другом, словно клинок на оселке. Кадфаэль, хлопотавший над молодым вином, что начинало изрядно бродить, казалось, вовсе не слушал приятеля, однако Хью не ошибался на сей счет. Он знал, что у монаха острый и чуткий слух, улавливающий любую интонацию. Время от времени Кадфаэль поглядывал на собеседника, как бы для того, чтобы удостовериться, что верно понял услышанное.

– Пожалуй, сейчас тебе стоит выждать да поглядеть, как дальше дела пойдут, – промолвил наконец монах, – и, наверное, не помешало бы послать в Бристоль надежного человека. У императрицы ведь нет других заложников, кроме короля. Если он вырвется на свободу или, положим, удастся пленить графа Роберта, Бриана Фицкаунта или какую-то другую важную птицу им под стать, ты сразу почувствуешь твердую почву под ногами. Ты уж прости меня грешного за то, что я, монах, у которого нет земного владыки, взялся давать тебе советы.

Но хотя Кадфаэль и принес обет небесному властителю, он покривил бы душой, утверждая, будто ему совсем уж безразлично, кто будет править на земле. Ему довелось видеть Стефана, причем не в лучшее время, когда король, следуя дурным наущениям, приказал казнить всех пленных защитников Шрусбери, но даже тогда Стефан произвел на него неплохое впечатление. Впоследствии

король не раз сожалел о том, что, поддавшись гневу, проявил не свойственную ему жестокость.

– А ты знаешь, – с нажимом спросил Хью, – чьим вассалом был этот Рейнольд Боссар, рыцарь, которого бросили истекать кровью на улицах Винчестера? Тот, за упокой чьей души вам велено молиться?

Кадфаэль отвел глаза от булькавшего жбана и, прищурясь, глянул другу в лицо:

– Нам сказали, что он служил императрице, вот и все. Но ты, как видно, готов рассказать мне больше.

– Так оно и есть. Этот рыцарь состоял в свите Лорана д’Анже.

Кадфаэль резко выпрямился и заворчал, схватившись за поясницу. Хью назвал имя человека, которого монах никогда не видел, однако оно вызвало в нем живой отклик.

– Да-да, – продолжал Берингар, – того самого Лорана, барона из Глостера, который, в отличие от большинства знатных лордов, с самого начала распри принял сторону императрицы и ни разу ей не изменил. Дядюшки тех самых детей, что потерялись во время разграбления Вустера и смогли выбраться из Бромфилда и встретиться с ним лишь благодаря твоей помощи. Помнишь, какая стужа стояла той зимой? А ветер? Я до сих пор чувствую, как он пронизывал до мозга костей…

Брату Кадфаэлю то зимнее путешествие запомнилось на всю жизнь. Уже без малого полтора года минуло со времени нападения на город Вустер, когда брат и сестра сквозь снега и пургу, какие случаются раз в столетие, бежали на север, в Шрусбери. Имя Лорана д’Анже было известно Кадфаэлю в связи с этой историей. Барон просил дозволения лично заняться поисками своих юных родственников на землях, находившихся под властью короля Стефана, и получил отказ. Тогда он тайно послал в Шропшир своего сквайра, чтобы тот отыскал их и доставил к дядюшке. Кадфаэль помог спастись всем троим, а такое не забывается. Все они воочию предстали перед его мысленным взором: Ив, которому в ту пору было тринадцать, – воспитанный, прямодушный, с первого взгляда внушавший симпатию, с потешной привычкой в минуту опасности задирать упрямый нормандский подбородок; Эрмина, его старшая сестра,

которую выпавшие на ее долю невзгоды заставили повзрослеть до поры, и, наконец, третий…

– Я частенько размышлял, – задумчиво произнес Хью, – как у них сложилась жизнь… В том, что ты благополучно их вызволишь, я не сомневался, но им ведь и в дальнейшем предстояли суровые испытания. Любопытно, получим ли мы когда-нибудь от них хоть весточку? Мне кажется, в один прекрасный день мир еще услышит про Ива Хьюгонина. – Вспомнив о мальчике, Хью улыбнулся. – А тот смуглый малый, что одевался как лесник, а сражался как паладин – помнишь его?

На сей раз лицо склонившегося над жбаном Кадфаэля расплылось в довольной улыбке:

– Стало быть, нынче его лорд в свите императрицы. И этот подло убитый рыцарь тоже служил у д’Анже. Скверная с ним вышла история, а, Хью?

– Вот и аббат Радульфус того же мнения, – угрюмо подтвердил Берингар. – Убийство произошло в сумерках, и в возникшей сумятице все нападавшие разбежались и попрятались, в том числе и убийца. Мерзкое преступление, ибо не приходится сомневаться в том, что это был не случайный удар, нанесенный в запале. Когда писца Христиана вырвали из рук негодяев, кто-то из них нанес подлый удар и лишь потом пустился наутек. Казалось бы, раз нападение на писца сорвалось, уноси ноги – так ведь нет же. Этот мерзавец, наверное, был вне себя от злобы. Неужто он останется безнаказанным? А ведь те, кто заправляют сейчас в Винчестере, только и делают, что твердят с утра до ночи о законе, справедливости да всеобщем благе. И наверняка некоторые из них были бы только рады, если бы отважный Христиан истек кровью в сточной канаве, как и вступившийся за него рыцарь. Не исключено, что кто-то из них и пустил убийцу по его следу.

– Зато доброе имя императрицы только укрепится, – промолвил Кадфаэль, – благодаря тому, что среди ее сторонников нашелся хотя бы один, способный уважать честного противника и не побоявшийся рискнуть жизнью ради его спасения. Стыд и позор, если его гибель останется неотмщенной.

– Старина, – удрученно заметил Хью, поднявшись и собираясь уходить, – за последние годы Англия хлебнула позора, уж этим-то нынче никого не удивишь.

Вошло в обычай вздыхать, пожимать плечами да обо всем забывать. Слава Богу, хоть ты не таков. Уж я-то знаю: ты никогда не мирился с несправедливостью. Но теперь даже ты ничего не можешь поделать – разве что лишний раз помолиться за убиенного. Слишком далеко отсюда Винчестер.

– Это как посмотреть, – пробормотал себе под нос Кадфаэль, – может, и не слишком.

Монах отстоял вечерню, поужинал, поработал, отправился к повечерию, и все это время перед его мысленным взором стояло одно незабываемое лицо. Потому-то он вполуха слушал чтение жития святых и с трудом мог сосредоточиться на молитве. Хотя, возможно, его размышления и воспоминания сами по себе являли своего рода молитву, исполненную благодарности и смирения.

Когда Кадфаэль впервые увидел это юное лицо – лицо молодого сквайра, посланного бароном за племянниками, – оно поразило монаха своей красотой. Худощавое, продолговатое, смуглое, с густыми бровями, с изящным изгибом губ, с тонким с горбинкой носом и яркими золотистыми бесстрашными ястребиными глазами. Голову юноши венчала шапка курчавых иссиня-черных волос. Очень молодое и вместе с тем вполне зрелое лицо человека, в чертах которого сошлись вместе Восток и Запад. Оливковые, как у сирийца, щеки были гладко выбриты по нормандскому обычаю. Увидев впервые этого молодого человека, Кадфаэль сразу же вспомнил о Святой земле, и, как потом выяснилось, не зря: любимый сквайр Лорана д’Анже вернулся со своим лордом из крестового похода. Звали его Оливье Британец. И если его лорд со своими вассалами находится сейчас на юге, в свите императрицы, то где же еще быть Оливье? Возможно даже, аббат видел его – скажем, кинул случайный взгляд на проезжавшего мимо бок о бок со своим лордом молодого сквайра и подивился его красоте. «Ибо, – подумал Кадфаэль, – служитель Божий не может не обратить внимания на столь совершенное творение Всевышнего.

А ведь этот рыцарь, Рейнольд Боссар, отважный и великодушный человек, был наверняка знаком с Оливье, ибо они служили одному господину. Его смерть, должно быть, опечалила Оливье, – думал Кадфаэль, – а боль Оливье – это и моя боль. И пусть это несчастье приключилось далеко, на темной улочке Винчестера, здесь, в Шрусбери, я готов искренне, от всего сердца оплакать смерть человека, поплатившегося за свое благородство. Пусть ценою жизни, но он добился своего, ибо писец Христиан уцелел и смог вернуться к госпоже своей королеве,

исполнив ее повеление».

Шорохи, доносившиеся из-за тонкой перегородки, отделявшей Кадфаэля от других братьев, которые укладывались спать, стихли задолго до того, как монах поднялся наконец с колен и скинул сандалии. Маленькая лампадка у черной лестницы лишь слегка высвечивала потолочные балки. В темноте тонул потолок дормитория, ставшего ему домом. Когда? Восемнадцать или девятнадцать лет назад – теперь даже трудно вспомнить. Он настолько сроднился с монастырской жизнью, что порой ему казалось, будто всем своим существом – и сердцем, и умом – он не просто удалился от мира, но воистину вернулся домой, ибо жить именно здесь было предначертано ему от рождения.

И все же он помнил каждый год и день своего пребывания в миру и был благодарен судьбе за беззаботное детство, полную приключений юность, за женщин, которых знал и любил, за то, что ему посчастливилось принять крест и сражаться за Христову веру в Святой земле и бороздить моря у берегов Иерусалима. Вся его жизнь в миру была как бы долгим паломничеством, которое привело его в эту тихую обитель. Однако ничто в прошлом не пропало даром – ни ошибки, ни промахи, – ибо все так или иначе сделало его таким, каким он был ныне, и подтолкнуло к принятию обета. Господь дал ему знак, и у него не было нужды ни о чем сожалеть, ибо прошлое и настоящее составили ту жизнь, судьей которой мог быть один Всевышний.

Он лежал в темноте на своем топчане неподвижно, словно в гробу, но расслабившись и свободно вытянув руки вдоль тела. Полузакрытые глаза ловили сквозь дрему слабые отблески света на переплетении потолочных балок. В эту ночь молнии не сверкали, но дважды, до и после полуночного молебна, прозвучали отдаленные раскаты грома, такие тихие, что остальные братья их вовсе не заметили, но брату Кадфаэлю, отчетливо слышавшему их, когда он поднимался на службу и когда снова укладывался спать, они показались знамением, свидетельствующим о том, что Винчестер и впрямь стал ближе к Шрусбери, а значит, и его печаль замечена на Небесах. Теперь он может уповать на то, что ему удастся внести свою лепту в восстановление справедливости по отношению к погибшему Рейнольду Боссару. С надеждой на это он и уснул.

Глава третья

Семнадцатого июня искусно сработанную дубовую раку с останками святой Уинифред, запечатанную, богато отделанную серебром, со всем надлежащим почтением вынесли из монастырской церкви и доставили в часовню Святого Жиля, где мощам предстояло дожидаться знаменательного дня – двадцать второго июня.

Погода стояла чудесная: на небе ни облачка, но и ласковое солнышко не припекает – в самый раз для путешествия. Уже к восемнадцатому июня стали прибывать первые паломники, все предвещало в ближайшие дни настоящий наплыв.

Брат Кадфаэль наблюдал за отбытием реликвий в достославное путешествие с чувством легкой вины, от которой никак не мог избавиться, хотя и уверял Хью, что в ту летнюю ночь в Гвитерине он не мог поступить иначе. Он чувствовал, что святая – плоть от плоти Уэльса и должна покоиться там, где будет слышать родную валлийскую речь, в родной земле, где она безмятежно пролежала несчетные годы, совершая маленькие, милые чудеса для своего народа. Нет, он не мог поверить в то, что допустил ошибку, но… Если бы она только глянула в его сторону и удостоила кивка или одобрительной улыбки!

Озираясь по сторонам, в садик зашел недавно прибывший паломник. Следуя указаниям брата Дэниса, он разыскивал собрата по ремеслу. Кадфаэль был занят прополкой тесно засаженных грядок с мятой, тимьяном и петрушкой. Весной и солнце пригревало, и дождик поливал в самую меру, так что всходы задались; правда, и сорной травы повылезло немало, а потому в этот послеобеденный час монах трудился не покладая рук. Заслышав чьи-то шаги, Кадфаэль поднялся с колен и обернулся.

Напротив стоял дочерна загорелый брат, который телосложением напоминал его самого, хотя и был лет эдак на пятнадцать моложе. Они смотрели друг на друга в упор – коренастые, крепко сколоченные монахи одного ордена и воистину братья.

– Ты, должно быть, и есть брат Кадфаэль, – промолвил гость густым мелодичным голосом. – Брат попечитель странноприимного дома объяснил мне, как тебя найти. Меня зовут брат Адам, я из Ридинга, садовник и травник, как и ты, хоть и не столь искусный, а о твоих уменьях наслышаны даже на юге, в нашей обители.

Он говорил это, с восторгом оглядывая редкостные сокровища брата Кадфаэля – восточные маки, вывезенные из Святой земли и заботливо взлелеянные здесь, в саду, и нежные теплолюбивые фиги, ухитрившиеся пышно расцвести у северной стены под ласковыми лучами солнца. Круглое, гладко выбритое лицо пришельца порозовело от восхищения и зависти. Дюжий монах производил впечатление человека, уверенного в себе: такого лучше не задевай – спуску не даст. Кадфаэлю гость пришелся по душе.

– Добро пожаловать, брат, рад приветствовать тебя в нашей обители, – сердечно промолвил Кадфаэль, – надеюсь, ты останешься на праздник нашей святой? Скажи, а место для ночлега тебе уже подыскали? У нас нарочно оставлено несколько свободных топчанов на случай приезда братьев из других обителей – таких как ты.

– Наш аббат послал меня из Ридинга с поручением в дочернюю обитель в Леоминстере, – сказал брат Адам, пробуя пальцем ноги щедро удобренную почву возделанной грядки и приподняв бровь в знак признания отменного качества работы. – А я попросил у него дозволения заглянуть в ваше аббатство и побывать на празднике перенесения мощей святой Уинифред и получил его. Не часто выпадает случай побывать так далеко на севере, и было бы жаль упустить такую возможность.

– Так тебе уже нашли подходящее место?

И впрямь: нельзя же такого гостя – брата Бенедиктинского ордена, садовника и травника – поместить в страннноприимном доме с мирянами. Кадфаэлю польстил восторженный блеск в глазах брата Адама – потому-то он и стремился сойтись с ним поближе.

– Не беспокойся, брат, меня встретили очень радушно и устроили рядом с послушниками.

– Коли так, будем соседями, – обрадовался Кадфаэль, – а сейчас давай-ка пройдемся, я покажу тебе все, что стоит посмотреть. Главные-то наши сады раскинулись вдоль берега реки – это на дальнем конце предместья, ну а этот я насадил сам, собственными руками. И если у меня найдется что-нибудь нужное для тебя, я с радостью дам тебе семена или рассаду.

Оба монаха зашагали по тропинке между грядками, ведя обстоятельную и чрезвычайно приятную для обоих беседу. Им было что рассказать друг другу о садах и огородах своих обителей. Брат Адам из Ридинга имел острый и наметанный глаз, и не приходилось сомневаться в том, что домой он отправится нагруженный трофеями. Он восхищался аккуратностью и образцовым порядком, царившими в сарайчике Кадфаэля, гирляндами шуршащих сушившихся трав, свисавших с потолочных балок и навесов кровли, и выстроившимися дружными рядами кувшинами, флягами и бутылями. К тому же Адам, в свою очередь, дал Кадфаэлю ряд полезных советов. Травники настолько увлеклись разговором, что день пролетел незаметно. Когда перед самой вечерней они наконец вернулись на монастырский двор, там уже царило предпраздничное оживление.

К конюшням под уздцы вели лошадей, в странноприимный дом вносили тюки и седельные сумы. Пожилой важный господин, приехавший верхом, направлялся к церкви, дабы сразу, не откладывая, преклонить колени перед алтарем. Следом за ним семенил слуга. Юные послушники брата Павла гурьбой столпились у ворот и во все глаза таращились на прибывающих. Правда, проходивший мимо брат Жером, как всегда, с важным видом спешивший куда-то по поручению приора, шуганул мальчишек, но едва он пропал из виду, они тотчас снова сбились в стайку. На улице собралась кучка любопытных жителей предместья – им тоже хотелось поглазеть на гостей. Подле них с возбужденным лаем бегали собаки.

– Завтра, – заметил Кадфаэль, глядя на эту картину, – народу будет куда как больше. Это еще только начало. Если и дальше продержится такая прекрасная погода, праздник нашей святой удастся на славу.

«И она поймет, что все это устроено в ее честь, – подумал монах, – хоть и находится далеко отсюда. И кто знает, может, заглянет к нам по доброте души. Расстояние для святой не помеха – она в мгновенье ока перенесется куда ей угодно».

Весь следующий день напролет странноприимный дом гудел, как улей, пополняясь все новыми гостями. Паломники прибывали с утра до вечера, кто поодиночке, кто в компании, ибо многие, повстречавшись по дороге, познакомились и приятно скоротали неблизкий путь вместе. Одни приходили пешком, другие приезжали на низкорослых лошадках. Одни были здоровы и веселы и явились на праздник из простого любопытства, многие собрались из

окрестных селений, но немало было и прибывших издалека, причем иные из них приковыляли на костылях. Слепых приводили их зрячие друзья и родные. Недужных было, пожалуй, больше всего: страдавшие хромотой, ломотой в суставах, слабостью в ногах, покрытые гнойниками и язвами – все они чаяли получить облегчение своих страданий.

День брата Кадфаэля, поделенный между церковью и садом, протекал в обычных, повседневных трудах, но при этом он находил время присматриваться к деловитой суете большого монастырского двора. Монах не обошел вниманием ни одного из прибывших, правда, пока никто из них не выделялся из общей массы. Впрочем, те из них, кто нуждается в его услугах, так или иначе найдут к нему дорогу, и он, само собой, постарается сделать для них все, что в его силах.

Но одну женщину монах все же приметил. Шурша юбками, она шла от ворот к страннноприимному дому, неся на руке корзину со свежевыпеченным хлебом и маленькими лепешками. Дело было вскоре после заутрени, и женщина, скорее всего, возвращалась из предместья, с рынка. «Знать, рачительная хозяйка, – подумал монах, – коли не поленилась подняться ни свет ни заря да сбегать на рынок. Такая знает, что ей нужно, и не станет полагаться на аббатских хлебопеков».

Плотной, цветущей, уверенной в себе женщине можно было дать на вид лет пятьдесят. Одета она была в неброское и скромное, но шитое из добротной материи платье. Из-под шали, покрывавшей голову, виднелся туго повязанный белый плат. Ростом она, может, и не вышла, зато держалась прямо и оттого казалась выше. Круглое полное лицо украшали большие живые глаза, а выступающий подбородок указывал на решительный и твердый характер.

Незнакомка быстро исчезла в дверях страннноприимного дома, да и видел Кадфаэль ее лишь мельком, однако она произвела на него приятное впечатление, и, когда, выйдя из церкви, монах снова заметил эту женщину, он сразу ее узнал. На сей раз она – и не без основания – напомнила ему наседку с растопыренными крыльями, подгоняющую своих цыплят. Двое птенцов, и впрямь поспешавших перед нею, были наполовину скрыты ее пышными юбками в многочисленных складках. Выглядела она основательно и благообразно, чувствовалось, что эта женщина полна кипучей энергии и, при всем своем добродушии, не прочь покомандовать. Она по-матерински обхаживала своих юных подопечных, и видно было, что за ее широкими юбками они как за каменной стеной. Кадфаэль невольно проникся приязнью к этой женщине,

исполненной доброты и жизненных сил.

После полудня монах работал в своем маленьком королевстве. Он собирал целебные снадобья, которые намеревался отнести в приют Святого Жиля, чтобы в эти праздничные дни тамошние призреваемые ни в чем не испытывали нужды. В это время он и думать не думал ни о женщине, ни о других обитателях страннноприимного дома, ведь покуда никто из них не обратился к нему за помощью. Кадфаэль укладывал в маленькую коробочку пилюли от кашля, мази от зуда и сухости в горле, когда на пороге сарайчика появилась внушительная фигура и послышался грудной женский голос:

– Прошу прощения за беспокойство, брат, но мне посоветовал обратиться к тебе брат Дэнис, и он же объяснил, как тебя найти.

В дверях, закрывая собой проем, подбоченясь и высоко подняв голову, стояла та самая запомнившаяся монаху особа. Взгляд ее больших ярко-голубых глаз с редкими белесыми ресницами был решительным и сосредоточенным.

– Видишь ли, брат, – доверительно пояснила она, – все дело в моем племяннике. Это сынок моей сестрицы, которая по дурости выскочила за какого-то беспутного валлийца из Билта. Нынче он помер, а следом за ним и она, бедняжка, отдала Богу душу. Двое ее детишек остались сиротами, и на всем белом свете некому, кроме меня, о них позаботиться. А я и сама мужа схоронила и унаследовала его ремесло, только вот ребятишек мне в утешение Бог не послал. Не скажу, чтобы я не могла управляться с работой или с работниками, – за двадцать лет замужества я нехудо выучилась ткацкому ремеслу, но, конечно, если бы мне сын помогал, дело бы ладилось лучше. Но видать, Господь судил иначе, да и племянник, сестрицын сынишка, радует мне душу. Ей-богу, брат, здоровый или больной, по мне, он самый славный, милый паренек, какого только свет видел. А уж какой терпеливый – ты только подумай, брат, такую боль сносит и вовсе не жалуется. А у меня сердце кровью обливается. Потому-то я к тебе и пришла.

Кадфаэль уловил мгновение, когда говорливая гостья остановилась, чтобы перевести дух, и торопливо промолвил:

– Добро пожаловать, достойная госпожа. Заходи. Поведай, какой недуг мучает твоего парнишку, и поверь: все, что можно для него сделать, будет сделано. Но

все же мне не помешает встретиться с ним – кто лучше его самого сможет рассказать о его болезни. Ну а пока присаживайся поудобнее и говори – я тебя слушаю.

Гостья уверенно ступила через порог и уселась на лавку возле стены, широко раскинув свои пышные юбки. Взгляд ее обежал полки, уставленные горшочками и флягами, развешенные гирлянды трав, жаровню, бутылки и склянки. Судя по выражению лица, увиденное, несомненно, возбудило в ней любопытство, однако она ничуть не была заворожена ни этими таинственными предметами, ни самим их владельцем.

– Я родом из-под Кэмпдена, брат, а весь тамошний народ промышляет ткачеством – так уж повелось. Муж мой был ткачом, и отец его, и дед, и даже кличут их Виверы, что на нашем саксонском наречии и значит – ткачи. Потому и меня зовут Элис Вивер, и нынче я тружусь в мастерской покойного мужа точно так же, как раньше он. Ну а сестрица моя младшая – я ее уже поминала – сбежала с тем непутевым валлийцем, да оба они и преставились. Я как прознала про это, тут же послала за детишками – пусть, думаю, со мной живут, как-никак родня. Старшенькой нынче уж восемнадцать – девушка славная, работящая, и я, брат, так тебе скажу: все сделаю, чтобы подыскать ей доброго жениха, хотя и то правда, что жаль будет лишиться такой помощницы. Уж больно она ловкая, сноровистая, ну и понятное дело, крепкая да здоровая – не то что парнишка. Всем хороша девчонка, только вот окрестили ее в честь какой-то никому не ведомой валлийской святой – Мелангель. Слыхал ты когда-нибудь хоть что-то подобное?

– Так ведь я и сам валлиец, – добродушно отозвался Кадфаэль, – и знаю, что вам, англичанам, непросто выговорить наши имена.

– Ну да ладно, зато у мальца имечко коротенькое и простое – Рун, вот как его назвали. Ему сейчас шестнадцать лет, на два годочка моложе сестры, да здоровья ему Бог не дал. И росточку-то он подходящего, и с лица пригож, но вот беда: еще с малолетства не заладилось у него что-то с правой ногой. Ступня у него скрючена, да и вся нога такая слабая, что он не то что ходить, но и стоять на ней не может. Чуть обопрется на ступню, она и подворачивается – вот он и волочит ногу. Приходится ходить на костылях. Я привела его к вам в надежде, что добрая святая что-нибудь для него сделает. Но ему стоило больших трудов добраться досюда, хоть мы и пустились в дорогу три недели назад и то и дело останавливались на отдых.

– Неужели он всю дорогу прошел пешком? – удивился монах.

– А как же иначе? Я не настолько богата, чтобы держать больше одной лошади, а та, что есть, нужна дома в хозяйстве. Слава Богу, по пути попадались добрые люди, пару раз возчики его подвозили, ну а остальной путь пришлось парнишке тащиться на костылях. Но что поделаешь, брат, верно, и другим калекам не легче было добираться до вашей обители. Теперь-то, слава Богу, он здесь, благополучно устроен в странноприимном доме и, ежели моя молитва будет услышана, вернется домой на своих ногах. Но пока здесь он страдает не меньше, чем дома.

– Тебе надо привести его ко мне, – сказал Кадфаэль. – Нужно выяснить, в чем причина его боли. Больно ли ему только при ходьбе или в покое тоже? Кости у него ноют, суставы или что другое?

– Хуже всего бывает ему ночью. Дома я частенько слышу, как он стонет от боли, правда тихонько, потому как старается нас не тревожить. Спит он плохо, а бывает, что всю ночь промается, да так глаз и не сомкнет. Кости у него ноют – это верно, но беда в том, что в икре-то ну ровно узлы завязаны. Они-то вроде бы и болят больше всего.

– Сдается мне, – рассудил Кадфаэль, – что этому горю можно как-то помочь. Попробовать стоит, хуже-то не будет. И на худой конец у меня есть питье, которое приглушает боль и помогает заснуть.

– Ты только не подумай, брат, что я не доверяю святой, – забеспокоилась госпожа Вивер, – но ведь парнишка совсем изведется, пока будет дожидаться от нее чуда. Я так скажу: почему болезному пареньку, пока суд да дело, не попросить помощи у простого смертного, ежели тот, как, к примеру, ты, добрый христианин, у которого и знания есть, и вера?

– Почему бы и нет, – охотно согласился Кадфаэль. – Самый малый из нас по воле Божией может снискать благодать, даже если не достоин такой милости. А парнишке скажи: пусть придет ко мне. Нам надо с ним потолковать с глазу на глаз. В странноприимном доме, известное дело, шум да толкотня, а здесь нам никто не помешает.

Госпожа Вивер выяснила все, что хотела, и поднялась, собираясь уходить, однако, как видно, она еще не наговорилась, а потому завела разговор о трудном путешествии, добрых попутчиках и о нагонявших их по дороге паломниках.

– Там, – сказала она, указывая на видневшуюся за изгородью стену странноприимного дома, – не одному Руну потребуется твоя помощь. Несколько дней назад мы повстречались с двумя молодыми людьми и дальше добирались вместе, потому как шли они так же медленно, как и мы. И вот ведь какое дело: один из этих парней вполне бодр и здоров, но не мог обогнать своего приятеля, а тот, бедолага, отшагал босиком, почитай, еще больше миль, чем мой Рун на костылях. А уж ноги-то разбил – глянешь, и жалость берет. Нет бы ему хоть тряпицами обвязать. Но куда там – ни в какую! Я, говорит, принес обет пройти босым весь путь паломничества. И мало того, на шее у него висит здоровенный железный крест, такой тяжелый, что и шею, и грудь бедняге натерло до крови, но он и его никогда не снимает, потому что это тоже часть данного обета. Я-то, грешным делом, никак в толк не возьму, зачем приличному с виду юноше эдак себя мучать, но сам знаешь, брат, люди порой и не такое способны учудить. Небось этот парень рассчитывает таким образом заслужить себе великую милость. Ну а пока он здесь, в обители, ты мог бы дать ему какую-нибудь мазь для ног – уж это-то, наверное, обет не запрещает. Может, послать его к тебе, а? Дружок-то его, Мэтью, выручил мою девочку, когда какие-то сумасбродные всадники, что неслись по дороге сломя голову, чуть не сшибли в канаву, а потом всю дорогу тащил ее узлы, а она была здорово нагружена, потому как я помогала идти Руну. По правде говоря, брат, сдается мне, этому малому приглянулась наша Мелангель: уж больно он был внимателен к ней, пока мы шли вместе. Пожалуй, что не меньше, чем к своему другу, хотя, надо признать, от того все же не отходил ни на шаг. Обет есть обет – тут уж ничего не попишешь, и, ежели кому втемяшилось истязать себя по доброй воле, разве другой может ему помешать? Этот Мэтью – верный друг и надежный спутник и приятеля своего никогда не покидает.

Мистрис Вивер уже ступила за порог и вдохнула пьянящий аромат напоенных солнцем трав, но тут обернулась и добавила:

– Там, в странноприимном доме, разный люд собрался: иные называют себя паломниками и корчат из себя святош, но я бы им нипочем не доверилась – от таких лучше держаться подальше. Правда, мошенники куда угодно пролезут, хоть в святую обитель.

– Это верно, – усмехнулся Кадфаэль, – покуда в святых обителях не переведутся деньжата или другие ценности, какие можно прибрать к рукам, от мошенников никуда не деться.

Неизвестно, говорила ли мистрис Вивер со своим странным попутчиком или нет, но не прошло и получаса после ее ухода, как Мэтью и его друг пришли в садик брата Кадфаэля, оказавшись там даже раньше, чем ее племянник Рун.

Кадфаэль вновь занимался прополкой, когда услышал, что к нему пожаловали гости. Гравий тропинки поскрипывал в такт медленным, осторожным шагам одного. Второй шел почти бесшумно, с опаской ступая израненными ногами по прохладной траве. Если какие-то звуки и выдавали его приближение, это были долгие тяжкие вздохи, говорившие о боли и страдании. Еще не успев распрямиться и повернуть голову, Кадфаэль уже понял, кто к нему пришел.

Молодые люди, темноволосые и темноглазые, были примерно одного возраста – лет двадцати пяти – двадцати шести, сходного телосложения, выше среднего роста, хотя один из них горбился оттого, что ему было тяжело идти, и, несомненно, походили друг на друга, правда не до такой степени, чтобы их можно было принять за братьев или близких родственников. Один из них загорел сильнее, как будто больше времени проводил под открытым небом. У него были широкие скулы, волевой подбородок и на удивление непроницаемое лицо человека, умеющего скрывать свои чувства. У другого – добровольного страдальца – лицо было продолговатым, подвижным и выразительным, с высокими скулами и впалыми щеками. Губы его были плотно сжаты то ли от боли, которая сейчас его донимала, то ли от какой-то постоянно сжигавшей его страсти. Похоже, что он не отличался сдержанностью и нередко давал волю гневу. Мэтью молча шел рядом с другом, не сводя с него заботливого взгляда.

Припомнив все, что выложила ему словоохотливая мистрис Вивер, Кадфаэль глянул на распухшие, потрескавшиеся босые ноги молодого человека, а потом на его шею. Она была обмотана полотняной тряпицей, но то ли он не сразу догадался ею воспользоваться, то ли она была слишком тонкой, но ткань пропиталась кровью. На прочной, но очень тонкой, глубоко впивавшейся в тело бечевке висел тяжелый крест в оправе в виде листьев, выглядевшей как золотая. И чего ради молодой человек обрек себя на такую муку? Неужто он и вправду убежден, что, истязая себя, угождает Богу или святой Уинифред?

Лихорадочно блестевшие глаза уставились на монаха, и тихий голос произнес:

– Ты, наверное, брат Кадфаэль? Мне рассказал о тебе брат попечитель лазарета. Он говорил, что у тебя есть мази и бальзамы, которые могли бы мне помочь. Если, – добавил он, сверкая глазами, – мне вообще что-то может помочь.

Последние слова заставили Кадфаэля повнимательнее присмотреться к молодому человеку, но он, ни о чем не спрашивая, провел обоих приятелей в сарайчик и заботливо усадил добровольного мученика на скамью. Мэтью зашел внутрь и остался стоять возле открытой двери, но стоял так, чтобы не загораживать свет.

– Ты проделал босиком немалый путь, – промолвил Кадфаэль, опускаясь на колени и осматривая израненные ноги, – была ли нужда в таких мучениях?

– А как же. Я не настолько ненавижу себя, чтобы страдать безо всякой причины.

Молчаливый молодой человек, стоявший у порога, вздрогнул, но ничего не сказал.

– Я связан обетом и не нарушу его, – заявил босоногий паломник и, по всей видимости предвидя дальнейшие расспросы, продолжил: – Меня зовут Сиаран, мать моя из Уэльса, и я собираюсь вернуться в родные края, дабы жизнь моя завершилась там, где она началась. Ты видишь раны на моих ногах, брат, но поверь: не они заставляют меня страдать больше всего. Меня терзает страшный, неизлечимый недуг, к счастью, он не заразный, но, увы, я обречен.

«Возможно, это и правда», – подумал Кадфаэль, протирая сбитые на острых камнях ступни очищающим настоем. Лихорадочный блеск глубоко посаженных глаз вполне мог быть отсветом пламени, пожиравшего этого человека изнутри. Правда, сидевший в свободной позе молодой человек не выглядел истощенным, но болезнь не обязательно сказывается на внешности.

Говорил Сиаран тихим, но твердым и решительным голосом, и, если и впрямь был уверен, что скоро умрет, должно быть, успел свыкнуться с этой мыслью.

– Я отправился в покаянное паломничество во имя спасения бессмертной души, – промолвил он, – а это гораздо важнее, нежели исцеление бренного тела. Босой и отягощенный веригами, я поклялся пешком пройти путь до обители в Абердароне, дабы после смерти удостоиться чести быть погребенным на священном острове Юнис-Энсли, где сама почва состоит из праха несчетного множества святых.

– По моему разумению, – мягко заметил Кадфаэль, – добиться этого можно было бы и явившись туда обутым – лишь бы душа была исполнена смирения.

Впрочем, цель, которую поставил перед собой этот молодой человек, была понятна Кадфаэлю, как и всякому, в чьих жилах текла валлийская кровь. Абердарон расположен на самой оконечности Ллейнского полуострова, на пустынном морском берегу, неподалеку от почитаемого кельтской церковью острова, ставшего для многих местом последнего упокоения. В тамошней обители никому не отказывали в гостеприимстве.

– Не подумай, будто я сомневаюсь в необходимости твоей жертвы, но, на мой взгляд, самоистязание свидетельствует скорее о гордыне, нежели о смирении.

– Может, ты и прав, – отстраненно отозвался Сиаран, – но тут уж ничего не поделаешь. Я связан обетом.

– Это верно, – вмешался в разговор стоявший у двери Мэтью. Голос его звучал отрывисто, но спокойно, глуше, чем у Сиарана. – Накрепко связан. Да и я тоже – не меньше, чем он.

– Вряд ли вы связаны одним и тем же обетом, – суховато заметил Кадфаэль.

Мэтью был обут в крепкие, добротные башмаки, малость стоптанные, но надежно защищавшие его ноги от дорожных камней.

– Ты прав. Я принес иной обет, но он столь же нерушим, как и обет Сиарана.

Кадфаэль опустил на пол смазанную бальзамом ногу паломника, подложив под нее сложенную тряпицу, и поднял себе на колени другую.

– Боже упаси, чтобы я подверг кого бы то ни было искушению нарушить данный обет, – сказал монах. – Вы оба исполните свой долг до конца. Но думаю, что на время праздника ты можешь дать отдых своим ногам, а за три дня они, глядишь, и подлечатся, тем паче что дорожки у нас в обители все больше гладкие. Ну а когда ступни заживут, ты смажешь их одним раствором – есть у меня такой, – чтобы они загрубели. Тогда тебе легче будет идти дальше. Ты можешь это сделать, если, конечно, не поклялся отвергать всякую помощь. Но такого обета ты не давал, потому как иначе и ко мне бы не обратился. А сейчас обожди чуток, пусть бальзам обсохнет.

Монах поднялся, придирчиво оглядел свою работу, а затем обратил внимание на окровавленную полотняную тряпицу, повязанную у Сиарана на шее. Осторожно взявшись обеими руками за шнурок, Кадфаэль собрался было снять крест через голову молодого человека.

– Нет! Не трогай! – испуганно вскричал Сиаран и одной рукой схватился за шнурок, а другой судорожно вцепился в крест. – Не прикасайся к нему! Оставь все как есть!

– Хорошо, хорошо, – отозвался удивленный Кадфаэль, – будь по-твоему. Но ты можешь снять его ненадолго, пока я обработаю ссадину. Это ж минутное дело – что тут дурного.

– Нет! – Сиаран еще крепче прижал крест к груди. – Ни на минуту, ни днем ни ночью! Оставь крест в покое!

– Тогда приподними бечевку и подержи ее так, пока я тебя перевяжу, – со вздохом попросил Кадфаэль, поняв, что упрямца не переубедить. – Не бойся: я к кресту не притронусь. Только позволь мне размотать тряпицу и осмотреть рану.

– Я ему то же самое говорю, добрый брат, – негромко промолвил Мэтью. – Если он тебя не послушает, так и будет стонать да корчиться от боли.

Кадфаэль размотал тряпицу, осмотрел глубокий порез – след от шнурка, – из которого продолжала сочиться кровь, и принялся за дело. Сперва он обработал порез жгучим настоем, чтобы удалить грязь и кусочки стершейся кожи, а потом смазал его бальзамом из липушника. Затем он вновь бережно сложил тряпицу и обернул ею шею под шнурком.

– Ну вот и все, – сказал монах, закончив перевязку, – и ты обета не нарушил, и я свое дело сделал. Советую тебе при ходьбе поддерживать крест рукой да распускать шнурок, когда ложишься спать, – глядишь, твоя ранка и заживет.

Похоже, что оба молодых человека торопились уйти, ибо Сиаран, едва Кадфаэль закончил хлопотать вокруг него, тут же осторожно поставил ступни на пол, а Мэтью ступил за порог и дожидался друга в залитом солнцем саду. Услугу Кадфаэля они восприняли как должное: рассыпаться в благодарностях им и в голову не пришло.

– Я хочу напомнить вам, – промолвил монах, задумчиво глядя на молодых людей, – что вы прибыли сюда в канун праздника святой, которая сотворила немало чудес. Даже смерть отступала перед ее несказанным могуществом, и потому, – подчеркнул Кадфаэль, – в ее власти даровать жизнь даже обреченному на безвременную кончину. Помните об этом, ибо, возможно, она слышит наш разговор.

Друзья промолчали и даже не переглянулись. Уже ступив на садовую дорожку, оба настороженно посмотрели на монаха, а затем разом повернулись и зашагали прочь. Один из них хромал.

Глава четвертая

Только ушли одни гости, как почти сразу – брат Кадфаэль едва успел приняться за прополку – появились другие. Монах решил, что они, должно быть, встретились у садовой калитки и наверняка обменялись дружескими приветствиями – ведь как-никак они несколько дней путешествовали бок о бок.

Девушка шла рядом с братом, ступая по обочине тропинки, и заботливо поддерживала его под локоть, чтобы он, если вдруг оступится, мог опереться на ее руку. Взор ее, исполненный любви и нежности, был постоянно обращен к брату. Если судьба и распорядилась так, что ему доставалась вся забота и ласка, тогда как на ее долю выпадали лишь хлопоты и труды, то она, похоже, ничего не имела против. Правда, один раз девушка обернулась и бросила через плечо какой-то особый взгляд: на брата она смотрела совсем по-иному.

Мелангель была одета в простое, но опрятное домотканое платье сельского покроя, волосы заплетены были в косы и уложены в строгую прическу. Выглядела она свежей, словно роза, а поступь ее, упругая и грациозная, хотя девушка и приноравливалась к походке брата, говорила о мечтательной, пылкой натуре. Волосы девушки, медно-золотистого оттенка, были, пожалуй, светловаты для дочери валлийца. Темные брови дугой изгибались над большими голубыми глазами. «Скорее всего, – подумал монах, – мистрис Вивер была недалека от истины, предположив, что молодой человек, которому довелось подхватить в объятья эту милую девушку, наверняка с удовольствием вспоминает этот случай и не прочь повторить его снова. Да куда ему – коли целыми днями глаз не сводит с приятеля!»

Паренек шел, тяжело опираясь на костыли, его правая нога с подвернутой ступней бессильно болталась, едва касаясь земли. Если бы он выпрямился во весь рост, то был бы примерно на ладонь выше сестры, но, сгорбившись над костылями, выглядел даже ниже ее. И тем не менее, решил Кадфаэль, внимательно разглядывая приближавшегося паренька, сложен он превосходно: стройный, широкоплечий, да и здоровая нога у него длинная и крепкая. Правда, он худощав, мог бы быть поплотнее, но, с другой стороны, если ночами маешься от боли, вряд ли охоч до еды.

Вначале монах обратил внимание на больную ногу юноши и лишь под конец принялся всматриваться в его лицо, обрамленное еще более светлыми, чем у его сестры, пшеничными кудрями. У него были светлые брови, гладкая кожа цвета слоновой кости, прозрачные, словно хрусталь, серо-голубые глаза, опушенные длинными темными ресницами. Лицо это было спокойным и бесстрастным – лицо человека, научившегося терпеливо сносить боль и смирившегося с тем, что она не оставит его до конца дней. Встретившись с ним взглядом, Кадфаэль сразу понял, что юноша не ждет от святой чудесного исцеления, как бы ни рассчитывала на это его тетушка.

– Тетушка велела мне привести к тебе брата, – застенчиво промолвила девушка. – Надеюсь, мы тебе не помешали? Его зовут Рун, а меня – Мелангель.

– Мистрис Вивер мне о вас рассказывала, – отозвался Кадфаэль, жестом приглашая их зайти в сарайчик. – Знаю, что вы проделали долгий путь. Располагайтесь поудобнее, а ты, парнишка, садись – мне потребуется осмотреть твою ногу. Скажи-ка, ты, случаем, не знаешь, с чего это началось? Может, у тебя

был перелом или сильный ушиб, скажем лошадь лягнула. Или… костоеда у тебя не было?

Монах усадил Руна на длинную скамью, костыли отставил в сторону, а паренька развернул так, чтобы тот мог свободно вытянуть ноги. Парнишка устремил на Кадфаэля серьезный взгляд и покачал головой.

– Нет, ничего подобного со мной не приключалось, – ответил он негромко и отчетливо уже не ломким голосом. – По-моему, это произошло не сразу, а постепенно, но, сколько я себя помню, нога у меня была такой, как сейчас. Говорят, что ступня стала подворачиваться, а я – хромать и падать года в три-четыре.

Мелангель, нерешительно стоявшая у порога, как отметил Кадфаэль, на том самом месте, где незадолго до того дожидался неразлучный спутник Сиарана, поспешно обернулась к монаху и промолвила:

– Наверное, Рун и без меня расскажет тебе о своем недуге. Вам лучше потолковать один на один, а я подожду в садике. Рун, ты кликнешь меня, когда я понадоблюсь.

В ясных, лучистых, словно сверкающие на солнце льдинки, глазах юноши расцвела теплая улыбка.

– Конечно иди, – сказал он, – денек выдался такой славный, да и надо же тебе от меня порой отдохнуть.

В ответ девушка озабоченно взглянула на брата – похоже, мысли ее витали в каком-то другом месте – и, убедившись, что Рун в надежных руках, торопливо попрощалась и упорхнула. Монах и паренек остались вдвоем. С первой минуты они почувствовали взаимное доверие и расположение, и казалось, что могут понимать друг друга с полуслова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/piters_ellis/rokovoy-obet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити